

Ю.В. Гришанова

КАРОЛИНА ПАВЛОВА И АДАМ МИЦКЕВИЧ

Ни одна страница биографии К.Пашговой не привлекала к себе такого внимания, как ее отношения с Мицкевичем. Первая статья, посвященная этой теме, появилась сразу после ее смерти, еще в XIX веке, и на протяжении нескольких десятилетий делались неоднократные попытки уяснить те или иные детали, дать новые объяснения уже установленных фактов или высказать по их поводу новые догадки. Поэтому представляется необходимым, прежде всего, подвести итоги сделанного нашими предшественниками и провести его критический анализ.

Как уже говорилось, первой попыткой специального рассмотрения интересующей нас темы стала статья К.Хроневича «Мицкевич и Каролина Яниш» (1). Здесь выстроены факты, позднее ставшие хрестоматийными: знакомство Мицкевича с будущей поэтессой в салоне Зинаиды Волконской, приглашение его на роль учителя польского языка, брачное предложение и полученный на него отказ, последующее охлаждение Мицкевича к идее этого брака, вызванное как его нерасположенностью к супружеской жизни, так и стремлением уехать на Запад.

Позднее этим событиям уделяет определенное внимание А.Л.Погодин в своей книге о Мицкевиче (2, с. 29-33). Опираясь, главным образом, на анализ писем, которыми он располагал, биограф польского поэта приходит к выводу, что чувство Каролины не вызывает сомнений, что же касается Мицкевича, то, «по-видимому, он готов был одно время жениться на Каролине, но полюбил ли он ее, это сомнительно. Во всяком случае, не страсть, а только нежное чувство симпатии возбуждала в нем эта девушка» (2, с. 33). Естественно, отношениям Павловой с Мицкевичем уделил должное внимание и Брюсов во вступительной статье к подготовленному им двухтомному собранию ее сочинений, не добавив, однако, ничего существенно нового к тому, что говорилось раньше.

В числе работ, посвященных этой теме и появившихся относительно недавно, следует назвать статью Здислава Романовского «История несостоявшейся помолвки»(3) и статью А.П.Корнеева «"Ты помнишь ли, поэт?" (Каролина Павлова и Адам Мицкевич)» (4). Обе статьи представляют несомненную ценность благодаря собранному в них, и умело интерпретированному документальному материалу. Сближает их и то, что и в той, и в другой главным предметом внимания является все-таки Мицкевич и отношения с Павловой предстают как эпизод его биографии.

З.Романовский пишет о Павловой с известной долей неприязни и, декларируя стремление реконструировать эпизод несостоявшейся женитьбы Мицкевича на основе более достоверных источников, на деле преуменьшает его место и в биографии Мицкевича, и особенно в биографии Павловой. «...Именно эти несколько месяцев 1828 года, а не весь 1828 год, – пишет он, стали коротким

периодом флирта Адама и Каролины, который по воле некоторых биографов Мицкевича превратился в страстный роман, заверченный помолвкой» (3, с.27).

А.В.Корнеев дает, на наш взгляд, более полную и верную картину происшедшего. Кстати сказать, о любви Павловой и Мицкевича им написана пьеса, которая называлась так же, как и его статья – «Ты помнишь ли, поэт?», но была ли она напечатана или поставлена, нам не известно. Не избежав недооценки описываемых событий, автор, как нам кажется, не избежал и их чрезмерной беллетризации. Стремясь проникнуть в психологию обоих действующих лиц и объяснить ею их поступки, он постоянно вынужден прибегать к догадкам, которые вплетаются в ткань его рассказа как установленные факты.

Вот характерный пример. «Жена Мицкевича, – пишет А.В.Корнеев, – поэтическая и музыкальная натура, тонкая и очень впечатлительная, не выдержала тяжелых испытаний. Ее разум померк, она погрузилась в сумрачный мир призраков. Кто знает, быть может, и Мицкевич вспоминал далекую Москву и оставшуюся там девушку, которую считал своей невестой...» (4, с. 94). И еще: сын Мицкевича Владислав, найдя в архиве покойного отца два письма, много лет назад написанные Каролиной Яниш, обратился к ней за сведениями об их знакомстве. Наш автор повествует об этом эпизоде так: «И вдруг золотым лучом солнца в серой бесприютной старости блеснуло неожиданно столь дорогое ей имя – Мицкевич» (Там же).

Нисколько не преуменьшая ценность упомянутых работ, нельзя не отметить, что всем им присущ существенный дефект. Настойчиво перебирая биографические факты и детали личных отношений, они практически обходят молчанием самое главное – стихи Павловой, посвященные Мицкевичу. Поэтому, мы видим свою задачу не только в том, чтобы чем-то дополнить уже воссозданную в названных статьях картину, отделить установленные факты от романтических домыслов и сомнительных гипотез, но и в том, чтобы восполнить их наиболее важный и болезненный пробел. Задача состоит в том, чтобы на основе по возможности полного и беспристрастного, непредубежденного анализа материала воссоздать действительную картину событий и показать не только их биографическую сторону, как это обычно делалось и в старых, и в новых работах, но их отражение в творчестве поэтессы.

Известно, что знакомство девятнадцатилетней Каролины с польским поэтом, который был старше ее на девять лет, произошло в салоне княгини Зинаиды Волконской, который был средоточием самых значительных литературных талантов тогдашней Москвы, где бывали Пушкин, Баратынский, Вяземский, Жуковский, Веневитинов, Дельвиг, Козлов. К тому времени Мицкевич был уже не только признанным поэтом, но и активным участником освободительного движения. Уже в годы учебы в Виленском университете он участвовал в создании и деятельности тайных патриотических организаций польской молодежи, в 1823 г. был арестован, провел полгода в заключении, был выслан во внутренние губернии России, а с ноября 1825 г. поселился в Москве, где был определен на службу в канцелярию генерал-губернатора.

Ореол вдохновенного поэта и вольнолюбца, пострадавшего за свои убеждения, привлек к Мицкевичу всеобщие симпатии, и современники оставили о нем немало восторженных отзывов. «Мицкевич был не только великий поэт, но и великий импровизатор. Импровизированный стих его свободно вырывался из уст его звучным и блестящим потоком», – писал Вяземский. (5, с. 329). К.А.Полевой вспоминал, что все полюбили Мицкевича «как человека, привлекавшего к себе возвышенным умом, изумительною образованностью и особенною, какою-то простодушною, только ему свойственною любезностью. Наружность его была истинно прекрасна... Когда он воодушевлялся разговором, глаза его воспламенялись, физиономия принимала новое выражение, и он бывал в эти минуты увлекателен, очаровывая притом своей речью – умною, отчетливою, блистательною... (6, с. 396).

Неудивительно, что юная Каролина без памяти влюбилась в этого человека. С другой стороны, она и сама выделялась образованностью, блестящим владением языками, многогранными и редкостными талантами, восхищавшими тех, кто ее знал. Как напоминает А.В.Корнеев, «ее познаниями и поэтическими творениями будет в скором времени восхищен знаменитый немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт, познакомившийся с Каролиной во время приезда в Москву в 1829 г. Рукопись ее стихотворений и переводов он возьмет с собой в Германию – с тем, чтобы показать их давнему своему другу И.В.Гете. Эта тетрадь, как узнает Каролина позднее, будет постоянно лежать на столе в кабинете великого немецкого поэта. Такой была эта девушка, полюбившая Мицкевича» (4, с. 91).

Далее последовали события, многократно описанные в литературе: без упоминания о них не обходится ни одна биография Павловой. Чтобы получить возможность регулярно видеться со своим возлюбленным, Каролина уговорила родителей пригласить Мицкевича в их дом в качестве преподавателя польского языка. Мицкевич, живший в условиях близких к нужде, охотно принял заманчивое предложение. Он уже знал, что хлопоты его русских друзей об открытии в Московском университете возглавляемой им кафедры польского языка натолкнулось на решительное сопротивление властей и, надо полагать, был рад столь благоприятному выходу из положения.

Очевидно, он не только учил Каролину польскому языку, но и учился у нее русскому. По свидетельствам современников, он приехал в Россию, почти не зная русского языка, но уже через год говорил на нем свободно и почти без акцента. Регулярное общение привело к тому, что 10 ноября 1827 г., во время бала Мицкевич признался Павловой в любви и сделал ей предложение. Но уже намеченную свадьбу пришлось отменить из-за сопротивления богатого дяди будущей поэтессы, который грозил лишить ее наследства, если она вступит в брак с нищим и безродным иностранцем, имевшим к тому же репутацию противника существующей власти.

К тому же Мицкевич уехал в Петербург хлопотать там об издании сборника своих стихов, потому что в Москве не оказалось цензора, знавшего

польский язык. Он, конечно, помнил свою возлюбленную, постоянно осведомлялся о ней, прислал ей в подарок парижское издание своих стихов с надписью: «Каролине Яниш посвящает ее бывший учитель польского языка А.Мицкевич. 1828, 25 декабря».

Все это, конечно, не могло даже в какой-то мере скрасить ей разлуку с возлюбленным и через десять месяцев после его отъезда она написала ему письмо, в котором, в частности, говорилось: «Я убедилась, что не могу жить без дум о тебе, убедилась, что моя жизнь всегда будет только цепью воспоминаний о тебе, Мицкевич! Что бы ни случилось, душа моя принадлежит тебе одному. Если же мне суждено жить не для тебя, то жизнь моя похоронена, но и это я приму безропотно» (7, с.8).

Мицкевич относился к происходившему более спокойно. Это подтверждается тем, как он излагал развитие событий в письме к своему другу Циприану Дашкевичу, отправленном из Петербурга в середине 1828 года: «Нет сомнения, что Художница мне нравилась, но я не был настолько влюблен, чтобы ревновать или не представлять себе жизни без нее. Ты не прав, если считаешь, что дела между нами зашли слишком далеко. Я пока не признавался ей в любви. Один раз только, когда она начала жаловаться на различные свои неприятности и, с одной стороны, превозносить счастье жизни в родительском доме, а с другой – тревожиться за свое будущее, я спросил невзначай и как бы случайно: могла ли она быть счастлива, разделив судьбу с любимым человеком или что-то в этом роде. Она ответила: это совершенно невозможно, т.е. дала понять, что существуют непреодолимые Препятствия, суть которых никогда не объяснила. Я думаю, что она никогда не смогла бы уйти из родительского дома, а я вряд ли мог бы навсегда остаться в Москве. Действительно все это разделяющие преграды. Как-то раз я сказал, что есть такая особа, которая подошла бы мне при счастливых обстоятельствах. Вот и вся история... Если она найдет себе хорошую Партию, пусть пригласит меня на свадьбу; я со своей стороны тоже готов это Сделать... Никаких взаимных обязательств между нами нет, да они и не Нужны». (Цит. по статье: 3, с. 14.). А в одном из последующих писем есть Такие слова: «Я ни разу не сказал ей, даже шутя, что люблю ее; никогда не Говорил о женитьбе» (Там же).

Как бы то ни было, какие-то колебания у Мицкевича, по-видимому, Нс-таки были, но случилось так, что само стечение обстоятельств Подтолкнуло и ускорило развитие событий. Мицкевич долго и безуспешно Пытался получить разрешение на выезд из России и жить в странах, где он мог бы чувствовать себя свободным, и его друзья всеми силами стремились ему в этом помочь. Когда долгожданное разрешение было получено, им Следовало воспользоваться немедленно, потому что власти могли в любой Момент передумать и вновь запретить опальному поэту выезд за пределы империи. Разумеется, он обещал своей возлюбленной вернуться при первой возможности, но оба понимали, что при существующих порядках надеяться на это трудно. Смешанные чувства, которые испытывал Мицкевич в канун разлуки, запечатлелись в стихотворении,

которое он 6 апреля 1829 г. вписал в альбом Каролины Яниш. В русских собраниях сочинений польского поэта оно печатается в переводе В.Я.Брюсова:

Когда пролетных птиц несутся вереницы
 От зимних бурь и вьюг и стонут в вышине,
 Не осуждай их друг! Весной вернутся птицы
 Знакомым им путем к желанной стороне.
 Но, слыша голос их печальный, вспомни друга!
 Едва надежда вновь блеснет моей судьбе,
 На крыльях радости помчусь я быстро с юга
 Опять на север, вновь к тебе! (8, с. 181).

Мицкевич уехал, и уже в дороге получил прощальное письмо Каролины, которое начиналось словами: «Прощай, мой любимый! Еще раз благодарю тебя за все – за твою дружбу, за твою любовь. Я поклялась быть достойной этой любви – быть такой, как ты пожелаешь. Не допускай никогда мысли, что я могла бы нарушить эту клятву – вот моя единственная просьба» (7, с. 9).

Однако Мицкевич воспринимал происходящее значительно более прохладно. Вскоре после отъезда он писал своему другу Юзефу Ежовскому: «Хотел написать Каролине, но не знаю, что произошло после этого ужасного события, что она думает и что с ней творится. Если бываешь у нее, напиши мне откровенно свои мысли и советы. Я ничего ей не обещал, а теперь обстоятельства еще более нас разделили. Но все же я хочу услышать твой голос, напиши откровенно и без обиняков» (9 с. 438). Через некоторое время Каролина узнала, что Мицкевич женился в Париже, и сама решилась на брак с известным литератором Н.Ф.Павловым.

Но верность своему первому и единственному возлюбленному она сохранила до конца жизнь. Через тридцать пять лет после смерти польского поэта Павлова, которой шел 83-ий год, получила письмо от его сына Владислава, который просил рассказать о ее отношениях с его отцом. Ее ответ был более чем красноречив: «Воспоминание об этой любви и теперь является величайшим счастьем для меня. Время, вместо того, чтобы ослабить, только усилило эту любовь. Минуло шестьдесят лет с того дня, когда я в последний раз видела Вашего отца, и он все еще жив в моей памяти. С благодарностью вспоминаю о том благословенном дне, когда он спросил меня, желаю ли я быть его женою. Передо мной его портрет, на пальце я ношу кольцо, которое он мне подарил, на столе стоит маленькая вазочка, подаренная им мне. Для меня он не перестал жить. Сегодня я люблю его так, как любила на протяжении стольких лет разлуки. Он мой, как был моим когда-то» (7, с. 10).

В свете всех этих фактов должны быть рассмотрены три стихотворения Павловой, обращенные к Мицкевичу. Все они были написаны на протяжении относительно короткого отрезка ее творческой биографии между 1840 и 1842 гг. и вполне могли стать известными Мицкевичу, но опубликованы уже после его

смерти: два – в сборнике стихотворений 1863 г., а третье – лишь при советской власти, в первом издании «Библиотеки поэта». Два стихотворения, написанные в 1840 и 1841 гг. имеют сходные заглавия: «10 ноября 1840» и «На 10 ноября». В обоих этот день назван «заветным». В первом есть стих: «Заветного ты не забыл ли дня?», во втором – «Да не пройдет мой день заветный, Как прочие простые дни...».

На наш взгляд, эти стихи дают основание усомниться в достоверности, казалось бы, авторитетного утверждения Мицкевича, что он никогда, даже шутя, не признавался Каролине в любви и никогда не говорил ей о женитьбе. Вряд ли ему отказала память, скорее он задним числом намеренно излагал происходившие события в искаженном или, скажем так, в смягченном виде. Согласимся, что если бы в «заветный день» ничего не происходило, Павлова не могла бы через десять с лишним лет написать о нем то и так, что и как она написала. Присмотримся к обоим текстам.

Первое – это цепь вопросов или, может быть, один нескончаемый, разными словами повторяемый вопрос: «Успел ли ты былое вспомнить ныне? Заветного ты не забыл ли дня?» Дня, когда она ему «навек обрелась» и из его рук была «свой жребий взять готова». Для нее то был миг, святой пред божьим провиденьем, «луч, ниспосланный из рая».

Ты вспомнил ли, как я, при шуме бала,
Безмолвно назвалась твоей?
Как больно сердце задрожало,
Как гордо вспыхнул огонь очей?
Вносясь над всей тревогой света,
В тебе, хоть жизнь свое взяла,
Осталась ли минута эта
Средь измененного цела? (10, с. 90).

Стихотворение «На 10 ноября» при естественном внутреннем сходстве строится иначе. В нем нет настойчивых, в известной степени повторяющих друг друга по содержанию вопросов, функцию сосредоточения на одной теме, на одном чувстве принимают на себя проходящие через все стихотворение анафоры:

Я помню...
Я помню...

Я не могу...
Я не хочу...

Уж не смущаюсь.
Уж странны мне..

Так пусть...

Так пусть...

Своей... надежде...

Своей мечте...

Пусть вновь мелькнет...

Пусть, хоть напрасно...

.....
Пусть вновь душа... (10., с. 93-94).

Изменились и некоторые смысловые акценты. Если первое стихотворение было пронизано мыслью, что в душе героини живы все те же, прежде испытанные чувства, что она верна всему пережитому в «заветный день», то теперь лирическая тема разворачивается иначе. Если прежде сердце свой восторг «всем поверяло как ребенок», то теперь

туда, где суетно и шумно,
Я не несу мечту свою,
Перед толпой благоразумно
Свои волнения таю.

Но закрытая для других, она открыта для него, от них она не ждет отзыва, но от него не хочет сдерживать порывы души. «Младые сны», воспоминания о прошлом, хотя и «странны», но «все-таки не вовсе чужды / И, слава богу, не смешны». И она, как прежде, готова дать волю «своей несбыточной надежде, / Своей мечте, своим стихам». Она убеждена, что «день заветный» не пройдет как прочие простые дни, что «с безмолвных уст сорвется слово» и «душа найдет язык». Но веры в то, что святое прошлое живо и будет живо, которым была пронизана каждая строка предыдущего стихотворения, уже нет: душа

опять замолкнет вскоре, –
И будет в ней под тихой мглой,
Как лучший перл в бездонном море,
Скрываться клад ее немой (10., с. 94).

Третье стихотворение – «К тебе теперь я думу обращаю» – самое короткое в этом небольшом цикле. Та смена в эмоциональном настрое, которая уже давала себя знать, выявляется здесь с полной определенностью. Дума, с которой поэтесса обращается к своему бывшему возлюбленному, – «грустная». Если прежде все было пронизано убеждением, что былые чувства живы и все, чего она хочет, чтобы они были живы для него так же, как для нее, то теперь мы видим меланхолическую и скептическую сентенцию:

Так много лет прошло, – и дни невзгоды,
И радости встречались дни не раз;

Так много лет, – и более чем годы,
События переменили нас (10, с. 104).

Трудно сказать сознательно или нет, но Павлова повторяет здесь с небольшим изменением мысль, которую она не раз встречала в стихах любимого ею Баратынского:

Переменяют года нас
И с нами вместе наши нравы... (11, с. 104)

Подумай, мы ли
Переменили жизнь свою
Иль годы нас переменили? (Там же, с. 123).

В следующей строфе – прямо высказанное сомнение в ценностях, которые недавно казались бесспорными:

Не таковы расстались мы с тобою!
Расстались мы, – ты помнишь ли, поэт?
А счастья дар предложен был судьбою;
Да, может быть, а может быть – и нет!

Оказывается, то, что погибло, оно и должно было погибнуть по общим законам мироустройства, спасти обреченное на гибель невозможно.

Кто ж вас достиг, о светлые виденья!
О гордые, взыскательные сны?
Кто удержал минуту вдохновенья?
И луч зари, и ток морской волны?

Кто не стоял, испуганно и немо,
Пред идолом развенчанным своим?(10., 105)

Кто же это – «развенчанный идол»? Ответ напрашивается сам собой.

Кроме рассмотренных стихотворений, некоторые комментаторы изданий сочинений Павловой и работ о ней считают, что воспоминания об отношениях с Мицкевичем отразились и в других ее произведениях, таких, как «Рассказ» («Чрез сад пустой и темный кто-то») и «Дума» («Когда в раздор с самим собою»). Полагаем, что тексты обоих стихотворений не дают для этого сколько-нибудь убедительных оснований и даже противоречат подобным гипотезам. Так, в стихотворении «Рассказ», в той именно строфе, в которой, по мнению комментатора, «отразились воспоминания об отношениях с А.Мицкевичем»(10., с. 554), читаем:

И вот, – как призрак сновидений,
 В дали, сквозь переливный дым,
 Мелькнули три, четыре тени
 Неясно, бледно перед ним.
 И он глядел, – и в грудь вникало
 Тоски жестокой лезвее;
 Глядел он в грозное зеркало,
 И сердце назвало *ее* –
 Ее, кому с любовной верой
 Душа молилася его.
 Впилися взоры в сумрак серый,
 Впились, – не встретив ничего! (10., с. 110).

Предположим, что «он» – это Мицкевич, а «она» – юная Яниш. Тогда что это за «три, четыре тени»? Могла ли она видеть в его взгляде «тоски жестокой лезвее»? И главное: его сердце назвало ее, его душа молилася с любовной верой, и его взоры ничего не встретили, иными словами его любовь не нашла в ней ответного чувства?! Согласуется ли это со всем, что мы знаем об отношениях Мицкевича с Павловой, со всем, что она писала об этих отношениях и в письмах и в стихах? Не полезнее ли воздержаться от произвольных гипотез и сосредоточиться на тех стихах, адресация которых Мицкевичу несомненна?

Рассмотренный материал подводит к такому выводу. Все предшествующие исследователи, опирались исключительно на письма Мицкевича и Павловой, совершенно или почти совершенно обходя вниманием ее стихи, обращенные к польскому поэту, хотя и они являются человеческим документом первостепенного значения. Если же исходить из всей совокупности сведений, которыми мы располагаем, то становится ясно: чувство Мицкевича к Павловой, конечно, имело место, было и признание в любви и предложение «руки и сердца», и это даже спустя много лет воспринималось ею как важнейшее событие ее жизни. Но наступил момент, когда в ее душе произошла переоценка ценностей, что запечатлело последнее из обращенных к Мицкевичу стихотворений. Когда же в глубокой старости и одиночестве она отвечала на письмо Мицкевича-младшего, то не смогла избежать соблазна представить прошлое в приукрашенном свете и поднять его на такую высоту, на которой оно виделось как нечто непреходящее и немеркнущее.

Литература

1. Исторический вестник, 1897, № 3
2. Погодин А.Л. Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество, т. 2, М.: Изд. В.М.Сабина, 1912
3. Польша, 1987, №5
4. Русская словесность, 1995, № 2
5. Полн. собр. соч., т. 7, Спб., 1882

6. Н.Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934
7. Рапгоф Б. К.Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества. Пг., 1916.
8. Мицкевич А. Собр. соч., т. 1, М.: Гослитиздат, 1948,
9. Мицкевич А. Собр. соч., т. 5, М.: Гослитиздат, 1954
10. Павлова К.К. Полн. собр. стихотворений М.;Л.: Сов. писатель, 1964
11. Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений Спб., 2000

Аннотация

Отношения К.Павловой с Мицкевичем неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, которыми собран и осмыслен значительный материал. Однако ценность имеющихся работ снижается наличием в них домыслов и необоснованных гипотез, а главным образом тем, что в них обходились молчанием стихи Павловой, обращенные к Мицкевичу. Их анализ позволяет сделать наши представления об их отношениях более полными и достоверными.

Анотація

Відносини К.Павлової та Міцкевича неодноразово привертали увагу дослідників, якими зібрана та усвідомлена значна частина матеріалу. Проте цінність наявних праць знижується через присутність в них здогадів і необґрунтованих гіпотез, а головним чином тим, що в них обходилися мовчанням вірші Павлової, які були звернені до Міцкевича. Їхній аналіз дозволяє зробити наші уявлення про їхні відносини більш повними та достовірними.

Summary

Relationship between Pavlova and Mitskevich drew researchers' attention lots of times, who collected and interpreted the biggest part of the material. However, the value of these works becomes lower because of conjectures and hypotheses, which have place in these works, but the main reason of this lowering is that there was no word about Pavlova's poetry to Mitskevich in these works. The analysis of this poetry allows us to imagine their relationship much more trustworthy and fuller.